

Елена
Первушина

**ДУМАЙ, ЧТО
ГОВОРИШЬ!**

• ЗАМЕТКИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ •

МАЛЕНЬКИЕ
СЕКРЕТЫ БОЛЬШИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Русский без ошибок

Елена Первушина
Думай, что говоришь

«ЭКСМО»

2018

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

Первушина Е. В.

Думай, что говоришь / Е. В. Первушина — «Эксмо»,
2018 — (Русский без ошибок)

ISBN 978-5-04-098234-9

Книга расскажет о том, как... правильно рассказывать. Всем нам время от времени приходится обращаться к людям, которые едва ли поймут нас с полуслова: писать письма, готовить доклады, выступать с речами, делать посты в социальных сетях. Эта книга расскажет о «маленьких секретах», к которым писатели – люди, профессионально работающие с языком, – обычно приходят путем долгих проб и ошибок.

УДК 811.161.1

ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-04-098234-9

© Первушина Е. В., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Язык без глаголов	9
Неправильные глаголы	15
Сюрпризы управления	17
Близкие друзья...	19
... И дальние родственники	20
Глава 2	24
Действовать или терпеть?	24
А как в английском языке?	26
Как это делал Пушкин?	35
... А варенье съелось...	35
Еще один залог	36
Предложения без лица	38
Промежуточные итоги	41
Часть вторая	44
Глава 3	44
Когда чувства бунтуют	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Елена Первушина

Думай, что говоришь

© Первушина Е.В., текст, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Предисловие

«Если говоришь, что думаешь, то думай, что говоришь!»

Когда я впервые прочла эту фразу, она мне сразу понравилась. Тогда я была еще подростком. С тех пор прошло уже четверть века, но чем дальше, тем больше и больше нравится мне эта мысль. К величайшему сожалению, я не запомнила ни где ее прочитала, ни кто это сказал. «Википедия» подсказывает, что фраза прозвучала в комедийном фильме-притче «Трасса 60», вышедшем на экраны в 2002 году. Но мне кажется, что я слышала ее еще раньше – может быть, прочитала на знаменитой 16-й странице «Литературной газеты», где публиковались юмор и сатира.

Чем же она меня так «зацепила»? Я люблю те пословицы и афоризмы, в которых можно найти сразу несколько смыслов. Эта – из таких. Когда я прочла ее в первый раз, мне показалось, что она высмеивает трусливое лицемерие. «Говори правду, только когда она приятна и полезна! Даже, когда хочешь быть искренним, думай, чтобы не сказать лишнего!». Своего рода «вредные советы для взрослых». Если вы помните, я тогда была подростком.

Позже, я стала думать, что речь идет о такте и умении сочувствовать. Даже когда «режешь правду-матку», будь осторожен. Не обижай людей, сам того не желая! В таком прочтении эта фраза значила то же, что и другой замечательный афоризм: «Джентльмен – это тот, кто никогда и никого не оскорбит непреднамеренно».

Потом, когда я стала профессиональным писателем, эта фраза приобрела для меня новое значение: когда хочешь что-то сказать (и особенно когда хочешь сказать важную правду), сначала подумай, как сделать это так, чтобы тебя правильно поняли. Потому что какой смысл в правде, если ее не поймут? Или не поймут, почему она для тебя так важна?

Но что может помешать людям понять друг друга?

В замечательном рассказе Акутагавы Рюнескэ «В чаше» несколько человек рассказывают об одном и том же трагическом происшествии в чаше леса разные истории. Там не обошлось без магии! Но я, к величайшему сожалению, не владею магией, и речь пойдет не об этом.

В рассказе Гилберта Кита Честертон «Преступление капитана Гэхегена» человек поведал трем знакомым о своих планах на вечер, но каждый в этот момент думал о чем-то другом и понял его по-своему. Поэтому когда героя заподозрили в преступлении, три свидетеля показали, что он говорил им разные вещи, а значит задумал что-то нехорошее. И если бы не вмешательство мудрого друга, бедняге пришлось бы худо. Это – истинная правда. Мы очень часто слышим не то, что нам говорят, а то, что хотим (или боимся) услышать. Более того, мы не всегда можем верить даже собственным глазам, а не только ушам! Один профессор криминалистики поставил такой эксперимент: когда он начал читать лекцию, в аудиторию ворвались несколько человек в масках, схватили преподавателя и унесли его. Конечно, студенты были ошарашены и испуганы. Потом профессор вернулся, успокоил всех, сказав, что это была инсценировка, и начал задавать вопросы: как были одеты нападавшие, какого они были роста и возраста, было ли у них оружие и так далее. Вы догадываетесь, что произошло? Все «свидетели» давали разные показания! Они даже не могли точно вспомнить, сколько было нападавших: одни говорили – трое, другие – четверо. Психолог объяснит этот феномен без труда. Студенты были слишком ошарашены, чтобы запомнить детали. Но когда их стали спрашивать, их мозги немедленно принялись «подсказывать» то, чего на самом деле не было, но что можно было «дорисовать» с помощью воображения. Эти молодые люди вовсе не были сознательными лжецами: наоборот, они очень хотели сказать правду и именно поэтому лгали, сами того не подозревая. Профессор задумал этот эксперимент, чтобы показать студентам: нельзя слепо доверять свидетелям. Но я не криминалист и не психолог, и моя книга не об этом. Однако сделаем пометку на будущее: то,

что мы запомнили, и то, что происходило на самом деле, не обязательно совпадает. А значит, то, что мы говорим, и то, что слышат и запоминают люди – это совсем не одно и то же.

А как обстоит дело с текстами? Казалось бы, если слова написаны на бумаге, их можно перечитывать сколько угодно раз в спокойной обстановке, когда ничто не отвлекает. Какие могут быть сложности?

Оказывается, и тут все не так просто. Когда я веду мастер-классы для начинающих писателей, то часто использую метод, очень похожий на описанный выше эксперимент. В процессе обсуждения какого-то рассказа я прошу слушателей предположить, что именно хотел сказать писатель в своем тексте. Что подвигло его написать именно то, что он написал, придумать именно эту историю, какую мысль он хотел донести до нас? Как правило, стоит высказаться первому читателю, как автор начинает кричать, что его не так поняли, что он хотел сказать совсем не то и не о том. Получается как в детской игре в «испорченный телефон»: мы шепчем одно слово, а в итоге получается совсем другое. Кстати, я впервые познакомилась с этой игрой в детском садике, в котором работала очень мудрая воспитательница. Когда игра заканчивалась – и из «ракетки» получался, к примеру, «табурет», – воспитательница начинала с конца и спрашивала каждого ребенка, что он услышал и что прошептал соседу. Таким образом мы видели, как «ракетка» превращалась в «розетку», «розетка» – в «пипетку», «пипетка» – в «пакет», «пакет» – в «букет», а «букет» – в «табурет».

А теперь самое важное: зачастую нас понимают неправильно не потому, что люди невнимательны, а потому, что мы сами запутываем их. И тоже из самых лучших побуждений. Мы говорим (или пишем) слишком много, мы говорим слишком сложно, мы хотим говорить «красиво». И в результате получается текст, который невозможно понять.

Что я имею в виду? Школьник, написавший в сочинении «Андрей Болконский, как тот дуб, расцвел и зазеленел», вовсе не хотел сказать то, что сказал. Он имел в виду, что, встретив Наташу, князь Андрей снова ощутил радость жизни и, увидев, как на старом дубе пробивается молодая листва, поверил, что и для него может наступить новая весна. Мысль довольно банальная, но весьма уместная в школьном сочинении – если бы автор смог выразить ее, не вызывая смеха у читателя.

И здесь самое время вернуться в начало и вспомнить мой любимый афоризм: «Когда говоришь, что думаешь, то думай, что говоришь!» Думай о том, что услышит или прочтет собеседник! И постарайся его не запутать!

Я слышала и другую версию этой фразы: «Не всегда говори все, что знаешь, но всегда знай, с кем говоришь!». Что касается ее первой части, здесь каждый сам может провести свои границы. А вот вторую («знай, с кем говоришь») можно воспринимать и так, и эдак. Либо это предостережение: не говори лишнего людям, которые могут воспользоваться полученной информацией, обратив ее против тебя. Либо напоминание о том, что к разным людям стоит обращаться по-разному, чтобы они правильно тебя поняли. В буквальном смысле: «с каждым общаться на его языке».

Когда мы говорим на иностранном языке – особенно, если знаем его недостаточно хорошо, – то готовы к тому, что нас могут понять неправильно. Поэтому прикладываем сознательные усилия для более ясного выражения своих мыслей: выбираем более простые речевые конструкции, следим за подбором слов, помним, что их значения могут совпадать в разных языках лишь частично, не забываем о возможных синонимах, уместных в разных ситуациях (например, *old* и *elderly*). Словом, продумываем свою речь, прежде чем раскрыть рот или что-то написать.

Совсем другое дело, когда мы говорим на родном языке. Нам кажется, что тут все получится само собой. Мы просто воспроизведем мысли так, как они складываются в голове, и все будет понятно без перевода. Но мы с вами уже убедились: так, к сожалению, выходит далеко не всегда.

А ведь мы можем передавать не только мысли, но и чувства. Нам может хотеться вызвать доверие у собеседника, упрекнуть его в чем-то, растрогать или рассмешить. Но только так, чтобы он смеялся над вашей историей, а не над вами! Как это сделать?

Школа тут не поможет: у учителей просто не хватает времени. Их задача – научить не делать ошибок, прежде всего, грамматических и пунктуационных. А если они и рассказывают ученикам, как можно ясно и внятно излагать свои мысли, то, как правило, все равно пропускают это мимо ушей. Что тут думать? Знай говори, что в голову придет, а слушатели сами все поймут!

А вот писатели знают, как важно быть правильно понятым и как можно этого добиться. Кроме вдохновения и писательской магии (куда же без нее!) существует еще и техника: несколько очень простых приемов, позволяющих не запутаться самим и не запутать читателей или слушателей. В основном, это правила о том, чего не следует делать. Они оставляют авторам широкие возможности делать то, что им хочется. Это такие своеобразные «правила дорожного движения» для письменной и устной речи. И речь эта может быть любой: не обязательно художественным произведением, но и докладом, который должен рассказать о проделанной вами работе и «подать» результаты в лучшем свете, или выступлением, которое побуждает слушателей сделать что-нибудь, или просто историей, которой вы хотите развлечь компанию.

Об этих правилах и пойдет речь. Они просты, но неочевидны. И очень нужны! «Счастье – это когда тебя понимают», – написал один из героев старого фильма. И если вы хотите, чтобы вас понимали правильно, не нужно мешать людям это делать. А как не мешать им? Об этом и расскажет книга, которую вы держите в руках.

Часть первая

Берегитесь глаголов – берегите глаголы!

Глава 1

Не делайте из балерины борца сумо, а из глаголов – существительные

«Мы постараемся оказать влияние на быстроту принятия этого решения» или «Мы постараемся добиться того, чтобы это решение было принято как можно быстрее». Как лучше сказать и почему?

Язык без глаголов

... И обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей! —

так заканчивается известное стихотворение Пушкина «Пророк». А насмешник Алексей Константинович Толстой приписал к нему еще две строчки:

Вот эту штуку пью ли, ем ли,
Люблю я делать ей же ей!

В самом деле глагол – это не только хорошо знакомая нам часть речи, обозначающая действие. Второе, переносное, значение этого слова: вся речь вообще. Именно в таком смысле употребляет это слово Пушкин. Убедиться в том, что мы не ошиблись, легко – достаточно открыть Толковый словарь Ушакова. Из него мы узнаем:

ГЛАГОЛ, глагола, муж.

1. Часть речи, обозначающая действие или состояние предмета и изменяющаяся по временам, лицам и числам (грам.).
2. Речь, слово (церк. – книжн., поэт. устар.). «Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется, душа поэта встрепенется, как пробудившийся орел». Пушкин.

Если вы, как и Алексей Толстой, любите рассказывать разные истории – вымышленные или произошедшие в реальности – и хотите, чтобы вас было легко понять, необходимо обратить самое пристальное внимание именно на глаголы. Ведь без них наша история никуда не двинется. В самом что ни на есть буквальном смысле этого слова.

* * *

Если хочешь научиться тому, что знаешь уже давно, но делаешь неправильно, то прежде всего нужно... вообразить, что ты разучился. Пройти окольной тропкой и найти такую точку зрения, с которой, говоря словами Александра Блока...

... Мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман.

Итак, наша первая задача: взглянуть на родной и знакомый с детства язык, который мы не учили сознательно, а буквально всосали с молоком матери, как на нечто странное и непривычное, к чему непонятно, как подойти. Как нам это сделать?

Давайте воспользуемся помощью англиканского священника ирландского происхождения, сатирика, публициста, философа, поэта и писателя (по мнению некоторых, писателя-фантаста) декана собора Святого Патрика в Дублине Джонатана Свифта.

В 1720-е годы, в самом начале безумного и революционного XVIII века, когда миру суждено было в очередной раз неузнаваемо измениться, Свифт начинает писать свои «Путешествия Гулливера» – пародию на входившие тогда в моду дневники и воспоминания путешественников и едкую сатиру на современное ему общество.

Под его пером потрясшие Европу войны между католиками и протестантами, войны за самое важное и святое – за правильность вероисповедания и служения господу, обратились в нелепые столкновения «тупоконечников и остроконечников», споривших о том с какого конца следует разбивать яйцо. Гордость Британии – ее парламент, цитадель народовластия (точнее, власти аристократии) – превратилась под пером Свифта в «упражнения канатных плясунов», соревнующихся в том, кто выше подпрыгнет и тем заслужит милость короля. А две европейских сверхдержавы того времени – Англия и Франция – стали двумя лилипутскими народами Лилипутами и Блефуску, ведущими свои бесконечные лилипутские войны. (Существует также версия, что под Блефуску Свифт подразумевал Ирландию).

В следующей повести герой Свифта, судовой врач Лемюэль Гулливер, попадает в Бробдингней – страну великанов. И ведет мудрые беседы с тамошним королем о славной английской истории, которая представляется повелителю Бробдингнега «кучей заговоров, смут, убийств, избиений, революций и высылки, являющихся худшим результатом жадности, партийности, лицемерия, вероломства, жестокости, бешенства, безумия, ненависти, зависти, сластолюбия, злобы и честолюбия». Король приходит к выводу, что в мире Гулливера «законы лучше всего объясняются, истолковываются и применяются на практике теми, кто более всего заинтересован и способен извращать, запутывать и обходить их». И что для достижения высокого положения в мире Гулливера не требуется обладать такими достоинствами как храбростью, мудростью или честностью. И, мол, вообще, соотечественники Гулливера «есть порода маленьких отвратительных гадов, самых зловредных из всех, какие когда-либо ползали по земной поверхности».

Гулливер возвращается на родину с новыми знаниями. Но непоседливый нрав не позволяет ему долго оставаться на одном месте. Вскоре он снова садится на корабль и отправляется на восток, в Китайское море. На судно нападают пираты и берут команду в плен. Гулливера сажают в челнок и отпускают в Тихий океан, где он находит временное пристанище на одном из островов. На пятый день Гулливер видит в небе летающий остров. Его жители откликаются на просьбу о помощи и берут путешественника к себе на борт.

Это – знаменитый остров Лапута, принадлежащий стране Бальнибарби, населенной учеными. В этой части своей книги Свифт, вдоволь поиздевавшись над современной ему политикой, переключился на науку. По этому поводу ему также есть что сказать.

Ученые в Академии прожектов, куда первым делом отправляется любопытный Гулливер, пытаются извлечь солнечные лучи из огурцов, питательные вещества из экскрементов, порох из льда, построить дом, начиная с крыши, вспахать поле с помощью свиней, вывести новый вид пряжи из паутины, наладить работу кишечника посредством мехов для откачивания и накачивания воздуха и так далее.

Пораженный Гулливер посещает и другую школу, где трудятся языковеды.

«После этого мы пошли в школу языкознания, где заседали три профессора на совещании, посвященном вопросу об усовершенствовании родного языка, – пишет Свифт. – Первый проект предлагал сократить разговорную речь путем сведения многосложных слов к односложным и упразднения глаголов и причастий, так как в действительности все мыслимые вещи суть только имена. Второй проект требовал полного упразднения всех слов; автор этого проекта ссылаясь главным образом на его пользу для здоровья и сбережение времени. Ведь очевидно, что каждое произносимое нами слово сопряжено с некоторым изнашиванием легких и, следовательно, приводит к сокращению нашей жизни. А так как слова суть только названия вещей, то автор проекта высказывает предположение, что для нас будет гораздо удобнее носить при себе вещи, необходимые для выражения наших мыслей и желаний. Это изобретение благодаря его большим удобствам и пользе для здоровья, по всей вероятности, получило бы широкое распространение, если бы женщины, войдя в стачку с невежественной чернью, не пригрозили поднять восстание, требуя, чтобы языку их была предоставлена полная воля, согласно старому дедовскому обычаю: так простой народ постоянно оказывается непримиримым врагом науки! Тем не менее многие весьма ученые и мудрые люди пользуются этим новым способом выражения своих мыслей при помощи вещей. Единственным его неудобством является то обстоятельство, что, в случае необходимости вести пространный разговор на разнообразные темы, собеседникам приходится таскать на плечах большие узлы с вещами, если средства не позволяют нанять для этого одного или двух дюжих парней. Мне часто случалось видеть двух таких мудрецов, изнемогавших под тяжестью ноши, подобно нашим торговцам вразнос. При встрече на улице они снимали с плеч мешки, открывали их и, достав оттуда необходимые вещи, вели таким образом беседу в продолжение часа; затем складывали свою утварь, помогали друг другу взваливать груз на плечи, прощались и расходились.

Впрочем, для коротких и несложных разговоров можно носить все необходимое в кармане или под мышкой, а разговор, происходящий в домашней обстановке, не вызывает никаких затруднений. Поэтому комнаты, где собираются лица, применяющие этот метод, наполнены всевозможными предметами, пригодными служить материалом для таких искусственных разговоров.

Другим великим преимуществом этого изобретения является то, что им можно пользоваться как всемирным языком, понятным для всех цивилизованных наций, ибо мебель и домашняя утварь всюду одинакова или очень похожа, так что ее употребление легко может быть понято. Таким образом, посланники без труда могут говорить с иностранными королями или министрами, язык которых им совершенно неизвестен».

Перед нами едкая сатира на некоторые теории современников Свифта, пытавшихся создать «универсальный» или «естественный» язык, очищенный от всяких привнесенных культурой наслоений – тот язык, на котором разговаривал Адам в райском саду. Далекое не все эти теории были настолько нелепы, как представляет их писатель: некоторые из них послужили основой для создания искусственных языков XX и XXI вв. – прежде всего, языков алгоритмизации и программирования. (Того, кто хочет больше узнать о существовавших теориях и практических попытках создания такого языка, отсылаю к книге «Поиски совершенного языка

в европейской культуре». Написал ее Умберто Эко – историк-медиевист, автор нашумевшего когда-то детективно-философско-исторического романа «Имя розы»).

Но на самом деле ни один ученый – жил ли он в Средневековье, был современником Свифта или сыном XX века – всерьез не пытался удалить из языка «глаголы и причастия» (вы, вероятно, помните, что в английском языке причастия служат для создания большей части глагольных форм). Ведь в нашей речи именно глагол чаще всего выполняет роль сказуемого – то есть, действия. А попробуйте-ка обойтись в повествовании без действия, ограничившись только именами!

Но давайте и в самом деле попробуем! Возьмем, к примеру, стихотворение Блока. Причем, очень статичное, где ничего не происходит и тема которого – лишь переживание утраты и горя.

Девушка ... в церковном хоре,
О всех ... в чужом краю,
О всех кораблях, ... в море,
О всех ... радость свою.

Так ... ее голос, ... в купол
И луч ... на белом плече,
И каждый в зале .... и .....

И всем .... что радость ....
Что в тихой гавани все корабли,
Что на чужбине ... люди
Светлую жизнь себе ....

И голос ... светел, и луч ... тонок,
И только высоко у царских врат,
... тайнам, ... ребенок
О том, что никто не .... назад.

Рассыпается не только ритм, рассыпается сам смысл. Мы не можем понять, какое же происшествие в церкви так глубоко тронуло поэта. Но стоит только вставить глаголы обратно, как все встает на свои места, и мы снова слышим строки, несомненно, принадлежащие к шедеврам русской поэзии и волнующие души вот уже более ста лет. Их не так просто забыть, услышав хотя бы один раз:

Девушка пела в церковном хоре,
О всех позабытых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех потерявших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч играл на белом плече,
И каждый в зале смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось что радость будет,

Что в тихой гавани все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был светел, и луч был тонок,
И только высоко у царских врат,
Причастный тайнам, плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Но может быть это свойство только стихов, задача которых – создать образ? А с «презренной прозой» мы бы справились, догадавшись, что хотел сказать автор? Давайте попытаемся еще раз!

Возьмем (из чистого озорства) отрывок из юморески замечательного российского писателя Евгения Лукина «Манифест партии национал-лингвистов», посвященный как раз... необходимости отмены глаголов, и посмотрим, удастся ли автору выразить свою мысль, если изъять из его речи все обозначения действий.

«... на современном русском языке, нам никогда ничего не ..., поскольку русские глаголы совершенного вида в настоящем времени... В настоящем времени можно лишь ... что-то (несовершенный вид). ... (совершенный) можно лишь в прошедшем и в будущем временах. Однако будущее никогда не ... в силу того, что оно будущее, а о прошедшем речь ... ниже. ... для сравнения тот же английский. Четыре формы настоящего времени глагола. И среди них **НАСТОЯЩЕЕ СОВЕРШЕННОЕ**. Будь мы англоязычны, мы бы давно уже что-нибудь ...»

Видите, мы выкинули из текста не так уж много – всего восемь слов. Но понять его тут же стало невозможно. Однако стоит вернуть глаголы, как мысль автора сразу становится понятной, хотя от этого и не менее абсурдной:

«Мысля на современном русском языке, нам никогда ничего не достроить, поскольку русские глаголы совершенного вида в настоящем времени употреблены быть не могут. В настоящем времени можно лишь **ДЕЛАТЬ** что-то (несовершенный вид). **СДЕЛАТЬ** (совершенный) можно лишь в прошедшем и в будущем временах. Однако будущее никогда не наступит в силу того, что оно будущее, а о прошедшем речь пойдет ниже. Возьмем для сравнения тот же английский. Четыре формы настоящего времени глагола. И среди них **НАСТОЯЩЕЕ СОВЕРШЕННОЕ**. Будь мы англоязычны, мы бы давно уже что-нибудь построили».

И зря Лукин ставит нам в пример Афанасия Фета, который «например, вполне мог жечь сердца, не прибегая к глаголам»:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья...

Афанасий Афанасиевич любил и умел играть со словами. Вот еще одно его стихотворение, лишенное глаголов:

Это утро, радость эта,

Эта мощь и дня, и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,

Эти ивы и березы,
Эти капли – эти слезы,
Этот пух – не лист,
Эти горы, эти доли,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист,

Эти зори без затмения,
Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это все – весна.

Но он вовсе не собирался искусственно ограничивать себя. И в других его стихах, также посвященных красоте природы, глаголы присутствуют. Более того, они образуют «скелет» стихотворения, к которому «прилипают» все эпитеты, сравнения и метафоры.

Заря прощается с землею,
Ложится пар на дне долин,
Смотрю на лес, покрытый мглою,
И на огни его вершин.

Как незаметно потухают
Лучи и гаснут под конец!
С какою негой в них купают
Деревья пышный свой венец!

А уж если в стихах есть какой-то сюжет, то тут никак не обойтись без глаголов, они сыплются в текст, словно из рога изобилия. Как в этом стихотворении Пушкина:

Три у Будрыса сына, как и он, три литвина.
Он пришел толковать с молодцами.
«Дети! Седла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.

Видите, действие только начинается, герои собираются в путь, а Пушкину уже понадобились пять глаголов на четыре строчки!

Но сейчас вы вправе возразить мне, что это было понятно и без таких длинных предисловий, что никто и не собирается отказываться от глаголов (в том числе, Евгений Лукин) и вы вовсе не хотели уподобиться мудрецам из Академии проектов. Так зачем же был нужен этот «гимн глаголу»?

Неправильные глаголы

А затем, что мы очень часто обращаемся с ним из рук вон плохо, не ценим и не бережем его! Например вот так:

«Вопрос был отформулирован»,
«На собрании мы заслушали доклад»,
«Вратарь словил мяч»,
«Рыцари приклонили колени перед королевой Гвиневерой»,
«Мой друг приобнял меня».

Вам ничто не мешает в этих фразах? Конечно, авторы «прилепили» к глаголам приставки, которые тем совсем не подходят. Люди словно надели на детей неудобные шляпки и удивляются, что их чада протестуют и капризничают, а прохожие изумленно оборачиваются.

В самом деле, вопрос нельзя «отформулировать» – такого слова в русском языке вообще не существует. Его можно только «сформулировать».

А еще можно заслушаться – например, пением птиц. И толковый словарь С.И. Ожегова говорит нам, что:

ЗАСЛУШАТЬСЯ, – аюсь, – аешься; совер., чем. Увлечься, слушая кого-что-н. З. рассказами.

Но доклад можно «выслушать» или «услышать». Правда, тот же словарь Ожегова допускает и вариант «заслушать».

ЗАСЛУШАТЬ, – аю, -аешь; – анный; совер., кого (что). (офиц.).
Выслушать (то, что оглашается публично). З. отчёт, сообщение. З. докладчика.

Но он не забывает отметить, что фраза «мы заслушали доклад» пришла к нам прямо из официального канцелярского языка. И лучше ей там и оставаться! Официальный язык формален, он создан так, чтобы не вызывать у слушателей эмоционального отклика. Но ведь мы с вами ставим перед собой прямо противоположную задачу. Впрочем, о «канцелярите» у нас еще будет большой и подробный разговор.

А «прослушать» что-то (например, тот же доклад) можно?

Давайте снова посоветуемся со словарем!

Для начала – со старым и почтенным, составленным под руководством Д.Ф. Ушакова.

ПРОСЛУШАТЬ, прослушаю, прослушаешь, совер., кого-что.

1. (несовер. прослушивать и слушать). Выслушать от начала до конца.

Прослушать оперу.

2. (несовер. прослушивать). Вслушиваясь, определить по звуку состояние чего-нибудь (мед., спец.). Прослушать легкие, сердце. Прослушать механизм.

3. (несовер. прослушивать). Слушая, пропустить мимо ушей, не воспринять (разг.). Простите, я прослушал, что вы сказали; повторите, пожалуйста.

4. (несовер. прослушивать и слушать). Провести какое-нибудь определенное время, слушая (разг.). Два часа прослушал лекцию.

5. совер. к слушать в 3 знач. Прослушать курс лекций.

Но словарь Ушакова был составлен в 1935–1940 годах. Может быть, с тех пор языковые нормы изменились? Возьмем для проверки словарь XXI века – например, словарь Ефремова.

Прослушивать

прослушивать
несов. перех.

1. Выслушивать кого-либо, что-либо от начала до конца.
2. Вслушиваясь, определять по звукам состояние кого-либо, чего-либо, место нахождения чего-либо.
3. разг. Слушая, не воспринимать, пропускать; не слышать сказанного.
4. Слушать в течение какого-либо времени.

Итак, ничего не изменилось, и можно было бы с легким сердцем рекомендовать вам к использованию фразу: «Я прослушал ваше сообщение». Если бы не третье значение слова «прослушать», помеченное в обоих словарях как разговорное: «пропустить мимо ушей». Ваш собеседник, скорее всего, осведомлен об этом, а потому может понять вас двояко: либо вы внимательно выслушали его сообщение от начала до конца, либо вы хотя и слушали, но были невнимательны и ничего не поняли. Поэтому, если не хотите допустить такой двойственности, лучше воспользоваться другими глаголами или, вернее, глаголами в других приставках: «Я услышал ваше сообщение» или «Я выслушал ваше сообщение».

* * *

А как насчет слова «словить»? Можно ли его употреблять? Словарь Ушакова объясняет:

СЛОВИТЬ, словлю, словишь, соверш., кого-что (прост.). Поймать, схватить. Вора словили. Словить мяч.

Вы обратили внимание, на это пометку «прост.»? Легко догадаться, что это сокращение от слова «просторечье» – понятия, объединяющего слова, выражения, формы словообразования и словоизменения, а также черты произношения, не входящие в норму литературной речи. Просторечье неизбежно имеет оттенок упрощения, сниженности, грубоватости и используется в художественной литературе для создания образа невоспитанного, неученого, а то и просто грубого человека. Поэтому если вы не ставите перед собой такой цели, не стоит пользоваться этими словами. Фраза «вратарь поймал мяч» передает ту же мысль, но не несет дополнительной информации о сказавшем ее человеке.

* * *

В четвертом предложении все просто. Автор перепутал приставки «при-» и «пре-», а значит, и слова «приклонить» (склонить, пригнуть, наклонить) и «преклонить» (нагнуть голову или знамя, встать на одно колено – но не просто так, а в знак почтения).

Поэтому упрямого человека, настаивающего на своем, не смотря на авторитеты, называют «непрЕклонным», а ветку дерева или ухо к земле (например, витязь в сказках) «пРИклоняют».

А что с выражением «негде голову пр...клонить»? Какая буква там должна стоять – «е» или «и»? Подумайте сами! А потом проверьте в словаре! Например, в словаре Ушакова.

* * *

И, наконец, о слове «приобнять». Если вы поищите его значение в словарях, то почему-то обнаружите в словарной статье под заголовком... «Кондратий». И узнаете, что «болезнь, недомогание; похмелье; грусть, тоска» называются «кондратий приобнял». А что это за словарь? «Словарь русского арго» В.С. Елистратова. Теперь ясно, что это слово также уместно лишь в художественных произведениях – чтобы характеризовать героя как малообразованного, воз-

можно, происходящего из криминальной среды. Вот так слова несут информацию не только о том, что происходит, но и о том, кто их говорит. И лучше об этом не забывать.

Сюрпризы управления

Но иногда и сами глаголы показывают норы! Например, требуют, чтобы зависимые от них существительные стояли в определенных падежах, а иногда – даже с определенными предлогами. Например, так:

Делать – кого? что? – винительный падеж.
Свита делает короля.
Делать комплимент барышне.

Существительные во всех остальных падежах, сочетаются с этим глаголом только при наличии еще одного существительного в винительном падеже (как во второй фразе) и зависят уже от существительного, а не от глагола. Да и то, не во всех падежах!

Делать задание отца.
Делать погремушку ребенку.
Делать дырку гвоздиком.
Делать доклад о динозаврах.

Обычно эти премудрости мы усваиваем в детстве и легко справляемся с ними, даже не задумываясь. Но бывают случаи, когда не все получается так просто.

Вот, например, глагол «смотреть». Он также требует винительного падежа:

Смотреть на (кого?) девушку.
Смотреть на (что?) картину.

Казалось бы, все просто. Но если мы не просто смотрим, а любимся, то нам нужно совсем другое управление:

Не «любоваться на девушку», а «любоваться девушкой» (кем? – творительный падеж).
Не «любоваться на картину», а «любоваться картиной» (чем? творительный падеж).

* * *

Также не стоит путать словосочетания с глаголами, имеющими разное управление:

Уделять внимание (чему? дательный падеж) проблеме – обратить внимание на (что? винительный падеж) проблему.

Сказываться на (чем? предложный падеж) положении – оказать влияние на (что? винительный падеж) положение.

Прижиться в (чем? предложный падеж) семье – привыкнуть к (чему? дательный падеж) коллективу.

Препятствовать (чему? дательный падеж) развитию – тормозить (что? винительный падеж) развитие.

Преисполниться (чего? родительный падеж) радости – проникнуться (чем? творительный падеж) радостью – его переполняла (что? именительный падеж) радость.

Предостеречь от (чего? родительный падеж) опасности – предупредить об (о чем? предложный падеж) опасности.

Показывать (что? винительный падеж) силу – свидетельствовать о (о чем? предложный падеж) силе.

Отчитаться о (о чем? предложный падеж) проделанной работе – отвечать за (что? винительный падеж) проделанную работу.

Осудить на (что? винительный падеж) смерть – приговорить к (чему? дательный падеж) смерти.

Добраться до (чего? родительный падеж) озера – подъехать к (чему? дательный падеж) озеру.

Беспокоиться о (о ком? предложный падеж) ребенке – тревожиться за (кого? родительный падеж) ребенка.

* * *

А вот еще пример. Вы видите ошибки в этих предложениях?

Мать беспокоилась за сына (винительный падеж). Вопрос с его успеваемостью (творительный падеж) не давал ей покоя.

Заподозрив, что это снова коварное «просторечье», вы будете правы! По правилам русского литературного языка, в обоих случаях нужно было использовать предложный падеж с предлогом «о»:

Мать беспокоилась о сыне. Вопрос о его успеваемости не давал ей покоя.

Не говоря уже о том, что лучше было бы эти два предложения объединить в одно.

Мать беспокоилась об успеваемости сына.

Или

Успеваемость сына очень беспокоила мать.

А еще:

Нельзя	Нужно
--------	-------

бояться грозу	бояться грозы
достигать два метра в длину	достигать двух метров в длину
избегать опасность	избегать опасности
принять участие на ярмарке	принять участие в ярмарке

Но, пожалуй, самой распространенной ошибкой в управлении глаголами является странная фраза: «говорить за кого-то или за что-то» в значении «говорить о ком-то или о чем-то». Это коварное просторечье проскользнуло в наш язык из малограмотной дореволюционной Одессы, но его следует избегать.

Бликие друзья...

А теперь давайте снова вернемся к стихотворению Блока, которое я так зверски «выпотрошила» выше. Должна признаться, я немного схитрила: выбросила из него не только глаголы, но и причастия. (О всех **позабывших** в чужом краю, о всех кораблях, **ушедших** в море, о всех, **потерявших** радость свою. Так пел ее голос, летящий в купол... **причастный** тайнам, плакал ребенок). Почему я так поступила?

Когда я училась в школе, причастия и деепричастия назывались «особыми формами глагола». Сейчас их «повысили» до самостоятельных частей речи. Но они все же остаются если не родственниками, то близкими друзьями глаголов.

Например, деепричастия помогают им, описывая события, которые происходили либо в то же время, что и основное действие («Девочка шла, размахивая руками и весело напевая»), либо непосредственно перед основным действием («Закончив петь, девочка поклонилась воображаемым слушателям»).

Особый случай – деепричастие «благодаря». Оно сумело превратиться в... предлог и поменяло управление. Поэтому правильно говорить:

Благодаря моему отцу, я избежал опасности (благодаря – предлог, требующий дательного падежа).

Но:

Я вернулся домой, мысленно благодаря моего отца за совет (благодаря – деепричастие, требующее винительного падежа).

А что же причастия? Они обозначают действие, совершенное когда-то и приведшее к настоящему положению дел. («Вбежавшая в комнату девочка начала что-то громко и взволнованно рассказывать»).

Благодаря этому свойству (вы, надеюсь, еще помните, что в этом случае необходим дательный падеж), причастие может развернуть перед нами целую картину – да еще и меняющуюся во времени.

Сравните:

Белая ткань.

Побелевшая от старости ткань.

Выбеленная солнцем ткань.

* * *

Особый случай – краткие прилагательные и причастия.

Когда-то краткие прилагательные, как и полные, могли выступать в предложении в роли определения («князь у синя моря ходит»). Но в современном русском языке они утратили способность склоняться, и теперь выступают лишь в роли сказуемого в настоящем времени:

Он дерзок.

В прошедшем:

Я был наивен.

И в будущем:

Ты мне будешь нужен.

Краткие прилагательные изменяются только по числам и имеют форму рода: мальчик умен – девочка умна – дети умны.

У кратких причастий есть свои особенности. Они образуются только от страдательных причастий (тех, что описывают действие, совершенное над кем-то). Они изменяются по родам и числам, в словосочетаниях согласуются с существительными и местоимениями.

В предложениях они являются частью составного именного сказуемого, сочетаясь в прошедшем времени с глаголом «был», а в настоящем обходясь и без него, как в этом стихотворении Некрасова:

Я пленен, я очарован,
Ненаглядная, тобой,
Я навек к тебе прикован
Цепью страсти роковой.

Или в эпиграмме, которую сочинили друзья Пушкина: «Он прикован, очарован, он совсем огончарован».

... И дальние родственники

Но есть у глаголов и более далекая родня – отглагольные прилагательные и существительные. С первыми все просто. Они образованы от глаголов и означают, в основном, способ производства или применения того или иного предмета или понятия, либо описывают то, что произошло с предметом. Например: дубильный, копировальный, купальный, обручальный, наблюдательный, одобрителный, оскорбительный, прохладительный, горелый, запоздалый, зрелый, обледенелый, окаменелый, оцепенелый, полинялый, прелый, спелый, висячий, горячий, гремучий, кипучий, колючий, лежачий, летучий, стоячий. Большая их часть произошла от древнерусских причастий.

Эти прилагательные, как и причастия, придают тексту динамику во времени и могут значительно его украсить – конечно, если ими (и причастиями, и прилагательными) не злоупотреблять. Например, вот так делать не надо:

Бывалый, неоднократно раненый врагами, оскорбленный князем и искусанный комарами воин осмотрел купленную лодку, выдолбленную из ствола срубленного дуба, одобрително крякнул, поднял полинялый, просмоленный и выдубленный ветрами парус и в поплыл по соленому морю, затаив в душе неисцелимую обиду.

Но причастие или отглагольное прилагательное можно включить в систему образов легко и изящно, как это сделала Марина Цветаева в «Крысолове». Вот как ратсгеры из городского совета Гаммельна решают, чем отблагодарить Крысолова за спасение города:

– Эврика! В руки бейте!
Коль по призванию он – флейтист,
Значит – футляр на флейту!

....

– Главное – умысел!
– В траты не сунувшись,
Чтоб от души – к душе —
Так из папье-маше!

Кабы малейший какой в душе
Прок был – у всех была бы.
А в переводе папье-маше —
Жеваная бумага.

Хоть не корова, а нажую!
Боги – а рты замажем!
Так же как критика – соловью:
Жвачкой, притом – бумажной.

– Чистой! без примеси!
– Принято! Принято!

– Хлопковой! Рисовой!
– Bravo! Подписано!

И из словосочетания «жеваная бумага» вырастает образ жвачки, которой обыватели хотят залепить волшебную флейту, пугающую их своей музыкой и магией. Но это – высший пилотаж, причем в поэзии, которая насыщена (в данном случае даже перенасыщена) метафорами. Подробнее о метафорах и правилах обращения с ними мы поговорим в одной из следующих глав, а пока вернемся к нашей «смиренной прозе», дабы понять, что она тоже может выкинуть коленца.

* * *

Дело в том, что кроме отглагольных прилагательных бывают еще и отглагольные существительные. Это, как легко догадаться, существительные, образованные от глагольных основ и обозначающие опредмеченное действие (состояние, процесс), то есть представляющие его в отвлеченном смысле. Образование таких отглагольных существительных называют «номинализацией» – то есть буквально превращением действия в процесс.

Они также хорошо нам знакомы. Это слова: ввоз, взмах, вывоз, заплыв, нагрев (и нагревание), накал, обжиг, обмолот, отлов, отстрел, подрыв, провоз, прогул, прокат, распад, блуждание, бурение, возвращение, высказывание, награждение, овладение, оказание, окончание, появление, приобретение, разбрасывание, управление, установление и т. д.

В чем же их коварство? В том, что когда эти слова пытаются заменить собой глаголы, наша речь становится тусклой, сухой, а иногда и непонятной. Возьмем фразу: «На повестке дня вопрос о выполнении плана». Из нее сложно понять, пойдет ли речь об успешном выполнении плана, или о том, что нужно сделать для его реализации. Обратите внимание: при использовании глаголов таких вопросов не возникает.

Но даже если предложение и можно будет понять, читать его все равно будет скучно. Мы все устроены так, что наше внимание, прежде всего, привлекает движение – иначе режиссеры фильмов в жанре «action» и авторы триллеров не зарабатывали бы столько денег. Однако начинающих авторов почему-то так и тянет заменить глагол отглагольным существительным. Возможно, им кажется, что такие фразы звучат более солидно. Но чаще всего выходит смешно. Например:

Мастер осуществил замену колеса.
Я закончил заправку кровати.
Бабушка весь день занималась варкой варенья и печением пирогов.
Матерям свойственно проявлять заботу о своих детях.
Мы намерены осуществить платеж как можно скорее.
Я испытываю большое разочарование.
Мое удивление было длительным, но потом наступило понимание.

Не правда ли, эти предложения звучат не просто сухо, но странно и неестественно? Однако стоит заменить существительные глаголами, как все становится понятно, и фразы перестают резать глаз.

Мастер заменил колесо.

Я заправил кровать.

Бабушка весь день варила варенье и пекла пироги.

Матери обычно заботятся о своих детях.

Мы намерены (или лучше: мы хотим, мы собираемся) заплатить как можно скорее.

Я был глубоко разочарован.

Я долго удивлялся, но потом все понял.

Обратите внимание: наши фразы стали короче. А ведь не зря говорят, что краткость – сестра таланта.

* * *

Но отглагольные существительные способны на еще одну каверзу! Из-за их наличия велика вероятность допустить в одном предложении (или в двух соседних) повторение однокоренных слов. На понимание текста это не повлияет, но текст станет некрасивым. Например:

В своем стихотворении «Признание» Некрасов признается...

Ученый едва приоткрыл завесу тайны, рассказав о своем открытии, но в течение трех минут мы все сидели с открытыми ртами.

Этот случай случился со мной недавно.

Мне пришлось долго осмысливать смысл его слов.

Нам удалось достичь договоренности и подписать договор.

К северу располагался коммерческий аэродром, где обычно грузились или разгружались два-три грузовых самолета и т. д.

Своеобразный рекорд поставил один начинающий автор, пополнивший мою коллекцию таким перлом:

Павел был пьян. Таким пьяным он еще никогда не напивался.

Как же избежать подобных ошибок и не выставить себя на посмешище? Пожалуй, будет лучше, если пока вы подумаете об этом сами. А в одной из следующих глав я вернусь к этому вопросу.

Глава 2

Поменьше пассивных конструкций!

«Вопрос был отформулирован» или «вопрос был поставлен», или «мы задали себе вопрос». Какой вариант выбрать?

Действовать или терпеть?

Но, может быть, не стоит приписывать языку хитрость и коварство? Не забывайте, что он был создан людьми и очень хорошо приспособлен под человеческие нужды. Например, у нас есть задача – зафиксировать какое-то происшествие, но мы не знаем, кто был его виновником или нам это не важно. И язык, как расторопный официант, тут же выполняет заказ. Он приносит нам... страдательный залог, специально предназначенный для подобных случаев. И вот мы уже можем написать:

Преступление, потрясшее всю округу, было совершено темной осенней ночью.

На дороге рядом с кладбищем был обнаружен изуродованный труп пожилого джентльмена.

Он был задушен женским шарфом и сброшен в придорожную канаву.

Но вскоре преступление было раскрыто.

Преступник был опознан по приметам, схвачен, осужден и отправлен в тюрьму.

Видите, все четыре предложения, составившие этот рассказ написаны в пассивном залоге. Но вам не кажется, что текст получился суховатым и в нем не хватает подробностей? Нам хочется узнать, кто нашел тело, кто вел расследование и, наконец, самое главное: кто, собственно, убил этого пожилого джентльмена и почему он это сделал?

Пробуем ответить на эти вопросы, оставаясь в рамках все того же пассивного залога. Итак:

Преступление, потрясшее всю округу, было совершено темной осенней ночью.

(Здесь мы ничего не можем поделать: по законам жанра, следует держать имя преступника в секрете, пока оно неизвестно никому из героев. Конечно, можно было бы написать что-то вроде: «было совершено неизвестным» или «тайнственным убийцей», но мы лучше прибегнем эти определения на будущее.)

А вот дальше можно пофантазировать:

На дороге рядом с кладбищем **мальчишкой-рассыльным (или местным викарием, или почтенной вдовой Джонс, или юным поэтом-романтиком Эдвардом Стреем)** был обнаружен изуродованный труп пожилого джентльмена.

Он был задушен женским шарфом и сброшен в придорожную канаву **неизвестным, оставившим на месте преступления кольцо с инициалам А.Р... или ... тайнственным убийцей, не оставившим следов.**

(Вот тут-то нам пригодились сэкономленные словосочетания).

Но вскоре преступление было раскрыто **инспектором Скоттом, после внимательного осмотра места преступления и опроса местных жителей назвавшим пол, воз-**

раст, рост, вес и цвет волос преступника, а позже заявившим, что это было «дело на одну пинту пива».

Преступник (придумайте сами, кто бы это мог быть) был опознан по приметам **местным барменом**, схвачен **полицией**, осужден **достопочтенным судьей Джастином Райтфуллом** и отправлен в тюрьму. (А кто конкретно отвез его в тюрьму, в конце концов, не так уж важно).

Видите, наш рассказ стал гораздо подробнее и убедительнее. Но теперь ему не хватает динамики. Предложения, возможно, звучат очень по-английски: чопорно и с достоинством. Но нам бы хотелось, чтобы герои действовали, а не просто присутствовали в тексте. Давайте попробуем отказаться от пассивного залога. Без изменения оставим только первую фразу – в ней и так достаточно внутренней динамики. Итак:

Преступление, потрясшее всю округу, было совершено темной осенней ночью.

На дороге рядом с кладбищем **юный поэт-романтик Эдвард Стреей обнаружил** изуродованный труп пожилого джентльмена. Он был так потрясен находкой, что полностью изменил свои взгляды на жизнь, бросил поэзию, помирился с отцом и благодаря его протекции поступил на бухгалтерские курсы.

Неизвестный (а, возможно, и неизвестная) задушил (-а) жертву красным шелковым женским шарфом и оставил (-а) на месте преступления кольцо с инициалам А.Р.

Инспектор Скотт сразу заявил, что это «дело на одну пинту пива». Он внимательно осмотрел место преступления, потом отправился в местный паб, выпил свою пинту, поболтал с завсегдатаями и вскоре уже мог назвать пол, возраст, рост, вес и, цвет волос преступника.

Вскоре **местный бармен опознал** преступника по приметам. Убийцу схватили полицейские, **достопочтенный судья Джастин Райтфулл вынес справедливый приговор**, и осужденный отправился в тюрьму.

Теперь вы можете сами решить, какой рассказ вам нравится больше: в действительном или в страдательном залоге. Полагаю, большинство все же проголосует за динамичность, непосредственное действие, а значит – за действительный залог. Кстати, все подробности, как раз и являющиеся самым главным в детективе, гораздо легче «уместить» именно в такие предложения. В самом деле, люди инстинктивно стараются избегать пассивного залога, если речь не идет об официальных документах. В повседневной, обыденной речи его почти не услышишь. А вот в текстах начинающих авторов он встречается на удивление часто. Достаточно заглянуть в школьные сочинения, и найдешь там бесчисленные:

Эта проблема была сформулирована автором так...

Печорин написан Лермонтовым так, что вначале он кажется нам грубым и бездушным.

Белла была убита Казбичем, чтобы отомстить за лошадь.

Татьяна Ларина была воспитана няней, как настоящая русская девушка.

В этом романе показана сила размаха борьбы русского народа с армией Наполеона.

Иван-царевич был радушно встречен, накормлен и уложен спать бабой Ягой.

Книга была прочитана мною за одну ночь и т. д.

Звучит так, будто это писали не обычные школьники, а маленькие бюрократики, появившиеся на свет сразу в костюмах-тройках и с указками в руках. Но нет, это все те же дети, а писать так их научили мы. Как же это получилось?

А как в английском языке?

Кстати, если уж у нас получилось «чисто английское убийство», давайте посмотрим, как обстоит дело со страдательным залогом в английском языке. Но для начала – немного терминологии. У нас традиционно принято выделять два залога: действительный и страдательный. Посмотрим, как определяет их грамматический справочник:

Действительный залог имеют глаголы переходные, обозначающие действие, производимое субъектом и активно направленное на объект. Действительный залог имеет синтаксическую характеристику: субъект действия является подлежащим, а объект – дополнением в винительном падеже без предлога: Красота спасет мир.

Страдательный залог – это форма глагола, показывающая, что лицо или предмет, выступающие в предложении в роли подлежащего, не производят действия (не являются его субъектом), а испытывают на себе чье-либо действие (являются его объектом). Страдательный залог по значению соотносится с действительным, но имеет свою морфологическую и синтаксическую характеристику.

А в английском языке их обычно называют активным и пассивным залогами.

Так вот, в английском обращение с пассивным залогом гораздо свободнее, и он шире проникает в повседневную речь. Английскому уху совсем не кажутся странными такие предложения:

He was asked by someone – Он был кем-то спрошен.

Traffic rules must be obeyed – Правила дорожного движения должны соблюдаться.

I was visited by my friends – Я был посещен моими друзьями.

И даже:

A girl was tangoed – Девушка была приглашена на танго.

(В переводе последнего предложения мне пришлось добавить слово «приглашена», которого нет в английском оригинале. Точнее было бы сказать «Девушка была отангована», но тогда получилось бы уже совсем не по-русски).

Итак, англичане гораздо свободнее обращаются с пассивным залогом, не гнушаются им в повседневной речи. И тем не менее, знаменитый американский писатель Стивен Кинг предупреждает молодых коллег в своем руководстве «Как писать книги»:

«Глаголы бывают двух типов: активные и пассивные. Глаголы первого типа – это когда подлежащее предложения что-то делает. Пассивный глагол – это когда с ним что-то делают, а подлежащее просто допускает, чтобы это произошло.

Пассивного залога надо избегать. Я думаю, что робкие писатели любят пассивные глаголы по тем же причинам, по которым робким любовникам нравятся пассивные партнеры. Пассивный залог безопасен. Нет беспокойных действий, которые надо выполнять, а подлежащее может «закрывать глаза и думать об Англии», если перефразировать королеву Викторю.

Еще я думаю, что неуверенным в себе кажется, будто пассивный залог как-то придает их работе авторитетности, даже какой-то величественности. Если вам кажутся величественными технические инструкции и писания

юристов, то, наверное, так оно и есть. Такой робкий деятель пишет: “Мероприятие будет проведено в девятнадцать часов”. Не будьте мямлей! Расправьте плечи, выставьте челюсть и заставьте подлежащее принять на себя ответственность. Напишите: “Собрание будет в семь вечера”. Ну? Правда лучше?».

Причем, в своем отрицании он весьма суров:

«Я не хочу сказать, что для пассивного залога вообще нет места. Положим, что некто помер на кухне, но оказался в другом месте. Тело было перенесено из кухни и положено на диван в гостиной – так вполне можно написать, хотя от слов «было перенесено» и «положено» у меня просто отрывка. Мне бы больше понравилось “Майра и Фредди перенесли тело из кухни и положили на диван”. Почему вообще тело должно быть подлежащим? Оно же, черт его дери, мертвое! Что, трудно до этого допереть?».

Интересно, как бы он поступил, если бы не хотел раньше времени открывать читателям, что именно Майра и Фредди переместили тело. Впрочем, Кинг обычно пишет не детективы, а триллеры и произведения в жанре «хорор». Ему проще.

Но если уж англоязычный писатель советует своим ученикам избегать пассивного залога, то тем более стоит быть осторожнее со страдательным русскоязычным авторам.

* * *

Хотя пассивный залог – употребленный вовремя и к месту – может стать и художественным приемом. Хороший пример есть в том же английском языке. Это так называемая «Вторая инаугурационная речь Линкольна». История эта может показаться вам слишком длинной и подробной, однако я считаю, что она заслуживает времени, потраченного на ее чтение.

Чтобы вам было понятно, о чем речь, необходимо маленькое вступление.

Авраам Линкольн, сын обедневшего фермера, вероятно, был прирожденным оратором, умевшим зажигать умы и покорять сердца. Он стал живым воплощением американской мечты о «self made man» – человеке, «сделавшем самого себя», благодаря решимости и трудолюбию поднявшегося с самого дна к вершинам. Юный Авраам помогал родителям на ферме и почти не учился в школе. Ему довелось ходить туда всего несколько месяцев. Линкольн видел, как его отец теряет с таким трудом нажитое состояние не из-за лени или других пороков, а лишь из-за неграмотности – и готов был на все, только бы не пойти по тому же пути. Линкольн вовсе не был «удачником», которому все легко дается, и поэтому он всегда был уверен в себе в себе и настроен оптимистично. Совсем наоборот: люди, близко его знавшие, вспоминали, что он был склонен к меланхолии и всегда очень тяжело, почти впадая в депрессию, переживал неудачи, коих было немало. Но протестантская этика запрещала ему много распространяться о своих переживаниях, и Линкольн научился подшучивать над собой, скрывая чувства и привлекая симпатии окружающих – качество, бесценное для будущего политика.

Одно время он работал землемером, а перед этим прочитал «Теорию и практику топографического дела» и «Курс геометрии, тригонометрии и топографии». Он изучил эти учебники всего за шесть недель, читая их буквально днем и ночью. От нервного напряжения Авраам почти перестал есть, похудел и осунулся, но выучил все необходимое для этой профессии. Но после знакомства с мировым судьей Линкольн решил стать адвокатом. Он – снова самостоятельно – изучил право и, в 27 лет сдав экзамены, получил разрешение на адвокатскую практику.

Одновременно он начал делать карьеру в политике и в обеих областях добился впечатляющих успехов – не в последнюю очередь благодаря своему таланту оратора. Известность ему принесло участие в политических дебатах, в которых Аврааму не было равных. Линкольн

был выдвинут кандидатом в президенты от республиканской партии. И на выборах 6 ноября 1860 года стал президентом США.

Его первый президентский срок пришелся на очень тяжелое время: страну расколола гражданская война между Севером и Югом, ставшая для многих американцев национальной трагедией. Северяне и южане были, по сути, разными народами: говорили на разных диалектах, у них были разные традиции и культура. Но главное: промышленный Север и сельскохозяйственный Юг имели разные экономические интересы. Южане были заинтересованы в торговле с Англией, покупавшей у них хлопок и поставлявшей дешевые товары. Северянам же были необходимы законы, которые бы ограничили приток английских товаров на внутренний рынок и стимулировали развитие собственной промышленности. Республиканцы не собирались отменять рабство (это было бы политическим самоубийством), но не хотели вводить его на Западных территориях. Они приводили моральные и религиозные аргументы, но южане понимали: это решение закрывает для них вход на Запад и открывает его для фермеров-северян. Толчком к конфликту (но, разумеется, не причиной) послужило именно избрание президента-республиканца. Южане не верили, что он будет защищать их интересы. И уже 4 февраля 1861 года восемь рабовладельческих штатов объявили о создании независимого государства – Конфедеративных Штатов Америки – со столицей в Ричмонде и избрали своим президентом Джефферсона Дэвиса.

Дальнейшие события хорошо знакомы нашим читателям по роману Маргарет Митчелл «Унесенные ветром». Юг потерпел поражение, но с победой Севера все проблемы отнюдь не решились – наоборот противоречия стали еще острее и жестче.

Разумеется, во время войны Линкольн нажил себе немало врагов во всех политических партиях и во всех слоях общества. И все же он решил выдвинуть свою кандидатуру на второй президентский срок.

Когда 4 апреля 1865 года он произносил в Вашингтоне свою так называемую «Вторую инаугурационную речь», победа северян уже была предрешена, хотя южане еще не сложили оружие (но уже готовились оставить Ричмонд).

Это была дотелевизионная эра, когда желавшие увидеть какое-либо событие собственными глазами, а не ждать отчета газет, должны были сами явиться на место. И многие отправились в Вашингтон, чтобы услышать речь Линкольна. Все отели были набиты до отказа – вплоть до того, что в бильярдных ставили временные раскладные койки. С утра, в день инаугурации зарядил дождь, но люди, еще затемно занявшие места на площади, не спешили расходиться. Когда Линкольн вышел на воздвигнутой перед восточным фасадом Капитолия платформу, его приветствовали громкими криками и аплодисментами. Но, вероятно, президент не обольщался. Он понимал, что многие из стоящих перед ним потеряли на войне своих близких, свои дома, свое будущее, которое казалось им таким прочным. И, возможно, в этом они в глубине души винят его и правительство, но главное – винят своих врагов, таких же американцев, оказавшихся по другую сторону баррикад. И его долг сейчас – попытаться хоть немного залечить эти раны с помощью своего непревзойденного мастерства оратора. И вот он начал говорить. Но в его речи не было пламенных призывов. Наоборот, она звучала странно спокойно и как будто немного отстраненно.

«Соотечественники!

Во время моего второго появления для принесения президентской присяги существует меньше оснований для длинной речи, чем в первый раз. Тогда довольно детальное изложение будущего курса казалось уместным и подходящим. А теперь, когда прошло четыре года, во время которых публичные декларации провозглашались постоянно на каждом этапе и при каждой фазе большого противостояния, которое до сих пор поглощает внимание и ресурсы всей нации, мало есть нового, что было бы достойно

разговора. Достижения наших вооруженных сил, от которых главным образом зависит все остальное, хорошо известны как общественности, так и мне; эти достижения, хотелось бы верить, удовлетворяют и обнадеживают всех. Итак, будем полагаться на будущее и не будем ничего загадывать наперед.

Во время аналогичного события четыре года назад все наши мысли были с тревогой обращены в сторону угрозы гражданской войны. Все боялись ее, и все стремились ее предотвратить. В то время, когда первая инаугурационная речь провозглашалась с этого самого места, речь, главным образом посвященная тому, как спасти Союз, не прибегая к войне, в этом городе уже активно действовали экстренные посланники, которые старались разрушить наш Союз, тоже не прибегая к войне, а стремясь распустить его и закрепить последствия разделения путем переговоров. Обе стороны решительно выступали против войны, но одна из них предпочитала лучше воевать, чем сберечь жизнь нации, а вторая предпочитала согласиться на войну, но не допустить исчезновения страны. И война началась.

Одну восьмую часть всего населения составляли чернокожие рабы, не расселенные равномерно по всему Союзу, а сосредоточенные, в основном, в южной части. Эти рабы представляли собой объект специфического и усиленного интереса землевладельцев. Все знали, что этот интерес и стал основной причиной войны. Усиление, увековечение и распространение этого интереса стали целью, ради которой мятежники были готовы даже разорвать Союз посредством войны, между тем как правительство заявляло лишь о своем праве ограничить этот интерес определенной территорией. Ни одна из сторон не ожидала, что война приобретет такой размах и продолжительность, как сейчас. Ни одна из сторон не ожидала, что причина конфликта может исчезнуть еще до прекращения конфликта или вместе с его прекращением. Каждая сторона искала легкой победы с результатом менее фундаментальным и ошеломляющим. Обе пользовались одной и той же Библией и верили в одного и того же Бога, и каждая надеялась на Его помощь в своей борьбе. Удивительно, что люди вообще могут просить Божьей помощи, чтобы вырвать тяжело заработанный кусок хлеба изо рта другого человека, но не станем судить, да не судимы будем. Молитвы каждой из сторон не были услышаны. По крайней мере они не исполнились до конца. У Всемогущего свой замысел. «Горе миру от соблазн. Нужда бо есть приити соблазном, обаче горе человеку тому, имже соблазн приходит!» Если предположить, что рабство в Америке является одним из тех соблазнов, который, по Божьей воле, должен был прийти, но который по окончании предназначенного времени Он теперь намерен уничтожить, и что Он насылает на Север и Юг эту страшную войну в качестве горя для тех, через кого этот соблазн пришел, то нужно ли нам усматривать в этом какой-либо отход от тех божественных атрибутов, которые, верные живому Богу, Ему приписывают? Мы надеемся и пылко молимся, чтобы это тяжелое наказание войны вскоре прошло. Однако если Богу угодно, чтобы она продолжалась, пока богатство, накопленное невольниками за двести пятьдесят лет неоплаченного труда, не исчезнет и пока каждая капля крови, выбитая кнутом, не будет отплачена другой каплей, вырубленной мечом, – как было сказано три тысячи лет назад, – это все равно должно свидетельствовать, что «наказания Господни праведны и справедливы».

Не испытывая ни к кому злобы, с милосердием ко всем, с непоколебимой верой в добро, как Господь учит нас его видеть, приложим же все усилия,

чтобы закончить начатую работу, перевязать раны нации, позаботимся о тех, на кого легло бремя битвы, об их вдовах и их сиротах, сделаем все, чтобы получить и сохранить справедливый и продолжительный мир как среди нас, так и со всеми другими странами».

Автор одной из русскоязычных биографий первого президента США Борис Тененбаум в своей книге «Великий Линкольню. Вылечить раны нации» пишет о второй инаугурационной речи: «По сей день она осталась как одна из самых коротких из всех, которые президенты США произносили, принимая присягу – в ней всего 703 слова».

По сути, Линкольн начал с того... что ему нечего сказать своим избирателям: события достаточно красноречивы и говорят лучше слов. Но, конечно, это было не так! Президент должен был сказать о своем отношении к событиям и к собственным решениям, которые во многом послужили причиной того, что страна оказалась в том положении, в котором она пребывала сейчас, в 1865 году. И он это сделал!

Он не стал ограничиваться пустыми заверениями: «Утрите слезы, теперь все будет хорошо». Он открыто признал, что граждане США сейчас переживают огромную трагедию и что выход из кризиса еще только предстоит найти. Но одновременно он показал людям, во второй раз выразившим ему свое доверие, на что он будет опираться в поисках этого выхода и на что могут опереться они. Давайте же проанализируем его речь с помощью Бориса Тененбаума и Джозефа Уильямса (автора книги «Стиль: десять уроков ясности и красоты», выдержавшей немало изданий в США).

Начнем с первого абзаца – того самого, в котором Линкольн как будто признается, что ему нечего сказать.

«Во время моего второго появления для принесения президентской присяги существует меньше оснований для длинной речи, чем в первый раз. Тогда довольно детальное изложение будущего курса казалось уместным и подходящим. А теперь, когда прошло четыре года, во время которых публичные декларации провозглашались постоянно на каждом этапе и при каждой фазе большого противостояния, которое до сих пор поглощает внимание и ресурсы всей нации, мало есть нового, что было бы достойно разговора. Достижения наших вооруженных сил, от которых главным образом зависит все остальное, хорошо известны как общественности, так и мне; эти достижения, хотелось бы верить, удовлетворяют и обнадеживают всех. Итак, будем полагаться на будущее и не будем ничего загадывать наперед».

Что поражает в этом абзаце? Прежде всего, «отсутствие автора». Линкольн нигде не говорит: «**Я** не вижу оснований для длинной речи», «**мне** сейчас не кажется уместным и подходящим излагать мой будущий политический курс», «**у меня** нет никаких новых сведений и тем, достойных разговора».

Может быть это – его обычная манера речи или общий стиль, принятый для инаугурационных речей американских президентов? Ничуть не бывало!

Свою первую инаугурационную речь, произнесенную 4 марта 1861 года – менее чем через месяц после образования Конфедерации южных штатов, – Линкольн начал совсем не так:

«Соотечественники, граждане Соединенных Штатов! В соответствии с традицией столь же старой, как сама форма правления, я предстаю перед вами, чтобы обратиться к вам с краткой речью и принести в вашем присутствии присягу перед вступлением в должность, как того требует от президента Конституция Соединенных Штатов.

Сегодня я не считаю для себя необходимым обсуждать те проблемы управления, которые не вызывают особого беспокойства или волнения. Судя

по всему, среди жителей южных штатов существуют опасения, что с приходом республиканской администрации их собственность, мирная жизнь и личная безопасность могут оказаться под угрозой. Однако для подобных опасений не было и нет никаких разумных оснований. В действительности, всегда были и есть самые убедительные доказательства, свидетельствующие об обратном, и их легко проверить. Их можно найти, фактически, во всех опубликованных речах того, кто сейчас выступает перед вами. Приведу лишь одно высказывание, содержащееся в одном из моих выступлений, где я заявляю, что у меня нет никаких намерений прямо или косвенно вмешиваться в функционирование института рабства в тех штатах, где оно существует. Я считаю, что не имею законного права делать это, и я не склонен делать это.

Те, кто выдвинул мою кандидатуру и избрал меня на этот пост, поступили так с полным сознанием того, что я сделал данное и многие другие подобные ему заявления и ни разу не отрекся от них; более того, эти люди предложили мне включить в политическую платформу, причем как закон для самих себя и для меня, ясную и выразительную резолюцию, которую я сейчас зачитаю»...

Здесь ему важно подчеркнуть, что именно он выступает гарантом прав «жителей южных штатов», четко озвучить **свою** позицию по этому вопросу.

Мы уже знаем, что слова Линкольна не разрядили политическую обстановку, да и не могли сделать это: конфликт между Севером и Югом был заложен задолго до рождения Авраама. Но что же было важно ему в 1865 году, когда он произносил свою вторую инаугурационную речь, и почему он с первых же строк занял такую отстраненную позицию?

Возможно, он хотел переместить «луч прожектора» на своих избирателей, сделать именно их героями своей речи? Но в таком случае Линкольн мог бы воспользоваться местоимением «мы», как он сделал это в своей Геттисбергской речи, произнесенной 19 ноября 1863 года во время открытия солдатского кладбища в Геттисберге (Пенсильвания), где за несколько месяцев до этого произошла одна из самых кровопролитных битв, переломившая ход гражданской войны.

Тогда Линкольн сказал:

«Минуло восемьдесят семь лет, как *отцы наши* основали на этом континенте новую нацию, своим рождением обязанную свободе и посвятившую себя доказательству того, что все люди рождены равными.

Сейчас *мы* проходим великое испытание гражданской войной, которая решит, способна ли устоять эта нация или любая нация, подобная ей по рождению или по призванию. *Мы* сошлись на поле, где гремела великая битва этой войны. *Мы* пришли, чтобы освятить часть этой земли – последнее пристанище тех, кто отдал свою жизнь ради жизни этой нации. И это само по себе вполне уместно и достойно.

Но все же не в *нашей* власти освятить это поле, сделать священной, одухотворить эту землю. Деяниями храбрецов, павших и живых, которые сражались здесь, земля эта уже священна, и не в *наших* скромных силах что-либо прибавить или убавить. То, что *мы* говорим здесь, будет лишь вскользь замечено и вскоре забыто, но то, что они здесь сделали, не будет забыто никогда. Давайте же *мы*, живые, посвятим себя тому неоконченному делу, которые вершили *здесь* эти воины. Давайте посвятим себя *здесь* великой работе, которая *нам* предстоит, и преисполнимся еще большей решимости отдать себя той цели, которой павшие здесь отдали себя всецело и до конца.

Давайте торжественно поклянемся, что смерть их не окажется напрасной, что эта Богом хранимая нация обретет возрожденную свободу и что власть народа, волей народа и для народа не исчезнет с лица земли».

Но во Второй инаугурационной речи нет ни «я», ни «мы». Зато там есть некая безликая сила общественного мнения и некие «достижения вооруженных сил», которые «хорошо известны» («is as well known to the public» – пассивный залог Present Simple). Что же было известно слушателям Линкольна, и о чем он считал лишним говорить подробно, но, тем не менее, отнюдь не случайно упомянул об этом? Вот что пишет Борис Тененбаум: «В английском есть понятие – «power of understatement», которое не так-то легко перевести на русский. «Сила недоговоренности»? «Мощь недосказанного»? «Мимоходом о важном»? Так вот, 4 марта 1865 года Линкольн использовал эту скрытую мощь недоговоренности во всю ее силу, потому что успехи вооруженных сил, которых он коснулся так, мимоходом, были огромны... Линкольну действительно не надо было ничего говорить своим слушателям об успехах, они и так знали, что штат Южная Каролина, первый из всех штатов Юга, решившийся на отделение от Союза, разорен и разгромлен так, что и разрушения в Джорджии казались по сравнению с этим детской игрой. А город, откуда был сделан первый выстрел по форту Самтер, сдался на милость победителя. Война заканчивалась, это было очевидно для всех. Когда Линкольн в своей речи сказал, что «будем полагаться на будущее и не будем ничего загадывать наперед...», было понятно, что и в самом деле не стоит гадать, когда придет победа, через месяц или через два – это было уже довольно безразлично, надо было думать не о войне, а о будущем».

Но, вероятно, Линкольн понимал, что думать о будущем американцы не смогут, пока не найдут для себя ответ на сакраментальный вопрос: «Кто виноват?» Для каждой американской семьи это был очень конкретный вопрос: кто виноват в гибели наших близких, кто виноват в разрушении наших домов, кто виноват в том, что наши поля пришли в запустение. Разумеется, Линкольн тоже задавал себе этот вопрос. Борис Тененбаум пишет: «Каяться ему было не в чем – но, когда президенту доложили о женщине, пять сыновей которой были убиты на войне, он долгое время не мог спать. Как верховный главнокомандующий всеми вооруженными силами США, он нес ответственность за все жизни, потерянные в этой бесконечной войне. Он хотел закончить ее как можно скорее – но настаивал не на «скорейшем мире...», а на «полной победе...». Кто знает, может быть, это он и считал своим грехом?»

Что же Линкольн говорит о вине и ответственности?

«Одну восьмую часть всего населения составляли чернокожие рабы, не расселенные равномерно по всему Союзу, а сосредоточенные, в основном, в южной части. Эти рабы представляли собой объект специфического и усиленного интереса землевладельцев. Все знали, что этот интерес и стал основной причиной войны».

О рабах говорится, как об объекте (собственно, они и называются объектом). Они не сами поселились на юге, их там сосредоточили. Кто сосредоточил? Землевладельцы. Но Линкольн старается быть справедливым и к южанам – по крайней мере не вызывать ненависти к ним, не делать их «козлами отпущения». К концентрации рабов на Юге привела не злая воля южан, а их «специфические интересы» – необходимость возделывать большие площади земли. И причиной войны стали не сами южане, а эти самые «интересы».

Но что же привело к тому, что чернокожие были порабощены, что они стали «объектом интереса» землевладельцев и что интересы северных штатов вступили в противоречие с интересами южных? Сейчас мы бы ответили: «Объективные исторические и экономические зако-

номерности». Но Линкольна едва ли удовлетворил бы такой ответ, и уж точно он не удовлетворил бы его слушателей. И президент сказал по-другому:

«Если предположить, что *рабство* в Америке является одним из тех *грехов*, который, по Божьему замыслу, должен был прийти, но который по окончании предназначенного времени Он теперь намерен уничтожить, и что Он насылает на Север и Юг эту страшную войну в качестве горя для тех, через кого этот *грех* пришел, то нужно ли нам усматривать в этом какой-либо отход от тех божественных атрибутов, которые, верные живому Богу, Ему приписывают?»

Попытаемся представить себе, что означала эта фраза для слушателей Линкольна, собравшихся дождливым утром 4 апреля на площади перед Капитолием.

Джозеф Уильямс пишет:

«Я полагаю, что из всех великих предложений, когда либо сочиненных американскими авторами, нет ни одного более искусного, длинного, сложного, отчасти более сложного чем ему следовало...

Решающую роль в этом фрагменте играют номинализации¹. Их всего четыре из 71 слова, но три из них появляются в первых 20 словах. Мы можем превратить их в глагольные сказуемые, назначив им действующих лиц:

американское *рабство* – американцы **поработили** африканцев;
один из *грехов* – американцы **согрешили** перед Богом;
замысел Бога – Бог **замыслил** наказание.

И если мы теперь соберем эти три предложения в одно, то получим утверждение, которое, возможно нас ошеломит.

Бог **замыслил**, чтобы американцы **поработили** африканцев и тем самым **согрешили** перед Богом.

Вполне справедливо предположить: Линкольн мог решить, что такое прямолинейное утверждение создало бы определенные теологические проблемы, которых он – по крайней мере, в этом конкретном случае – предпочел избежать.

Безусловно, Линкольн верил, что Бог предопределил все те страшные события, которые произошли с Севером и Югом и, как бы то ни было, замысел Бога непостижим. Линкольн не испытывал затруднений, открыто заявляя, что именно Бог послал Северу и Югу эту войну, что именно Бог повелел уничтожить рабство (в противоположность его простому «исчезновению», как он писал в начале своей речи). И хотя он молится, чтобы война «ушла в прошлое», но знает: Бог может повелеть, чтобы война продолжалась.

Однако Линкольн, похоже, менее откровенен в отношении ответственности Бога за происхождение рабства. По крайней мере, он говорит об этой проблеме не без стилистических ухищрений (в противоположность использованию конкретных глаголов). Чтобы указать на Бога, как на лицо, ответственное за начало и окончание войны и рабства, он номинализирует

---

¹ Номинализация или субстантивация – в лингвистике – процесс образования абстрактного существительного от глагола и обозначение самого существительного, образованного таким способом, Вспомним первую главу!

глаголы, которые сделали бы Бога виновным в появлении рабства, а затем прячет его посредничество («по замыслу Бога») в середине предложения.

Это предложение из 71 слова я считаю самым искусным трюком (*tour de force*, как говорят французы) в американской литературе»².

Итак, «на то была Божья воля». Но одновременно виновны все! И говоря чуть раньше об этой вине, Линкольн на время вернулся к активному залогу:

«Каждая сторона *искала* легкой победы с результатом менее фундаментальным и ошеломляющим. Обе *пользовались* одной и той же Библией и *верили* в одного и того же Бога, и каждая *надеялась* на Его помощь в своей борьбе. Удивительно, что люди вообще *могут просить* Божьей помощи, чтобы *вырвать* тяжко заработанный кусок хлеба изо рта другого человека, но не *станем судить*, да не судимы будем».

И снова пассивный залог, подчеркивающий, что здесь все же не было ничего конкретно злого умысла, а лишь неисповедимая воля Всевышнего.

«Молитвы каждой из сторон *не были услышаны*. По крайней мере, они *не исполнились* до конца. У Всемогущего свой замысел. «Горе миру от соблазн. Нужда бо есть приити соблазном, обаче горе человеку тому, имже соблазн приходит!»».

Джозеф Уильямс замечает: «Единственный раз, когда Линкольн указал на Север и Юг открыто, он сделал их объектами, справедливо претерпевающими от войны по воле Бога». Он имеет в виду предложение, которое я уже цитировала выше: «Он насылает на Север и Юг эту страшную войну в качестве горя для тех, через кого этот грех пришел».

Таким образом, Линкольн не снимает вины с американского народа, напротив, он говорит о том, что только признав эту вину, обе стороны могут прийти к примирению.

«Что мы можем извлечь из этой стилистической эквилибристики... – спрашивает Джозеф Уильямс, закончив свой анализ. – Как нам охарактеризовать способ (какое слово использовать – манипулировал? направлял? распоряжался?), каким Линкольн формировал реакцию своих тогдашних слушателей и нас, его сегодняшних читателей? Делая это, поступал ли он неэтично? Быстрый ответ будет «нет» и, я полагаю, это правильный ответ, по крайней мере, если судить по его намерениям. Но этот вопрос заставляет нас серьезно задуматься об этике ясности, как о безоговорочной, основополагающей ценности. Линкольн не высказывался ясно и, думаю, сделал это намеренно».

* * *

Если из каждой истории можно извлечь множество уроков, то как насчет такого: не стоит злоупотреблять пассивным залогом, если у тебя нет такого мастерства и опыта, а главное таких веских причин, какие были у Авраама Линкольна 4 апреля 1865 года.

И два слова о дальнейших событиях, чтобы завершить наш экскурс в историю. Когда президент произносил эту речь, жить ему оставалось всего 10 дней.

9 апреля 1865 капитуляция армии южан была подписана генералом Ли. А 14 апреля в театре Форда в Вашингтоне Авраам Линкольн был застрелен актером Джоном Бутсом, выскочившим после выстрела на сцену и выкрикнувшим: «Так погибают тираны. Юг отомщен!»

Кстати, два последних предложения можно было бы написать так: «9 апреля 1865 генерал Ли от имени южан подписал капитуляцию. А 14 апреля в театре Форда в Вашингтоне актер

---

² Джозеф М. Уильямс Стиль. Десять уроков для начинающих авторов М. «Флинт». 2003.

Джон Бутс застрелил Авраама Линкольна, после чего высочил на сцену и выкрикнул: «Так погибают тираны. Юг отомщен!». Какой вариант вам нравится больше?

Как это делал Пушкин?

А вот пример из русского языка. Как блестяще играл с залогами Пушкин в своем стихотворении «К морю»!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...

В этих строках море становится активным действующим лицом. Оно ждет поэта и зовет его. Но тот не в силах ответить: он «был окован», «очарован», к морю рвалась его душа, но не он сам. В этой строфе поэт совершает всего одно активное действие, которое на самом деле оборачивается бездействием – он остался, не ответив призыву моря. Литературоведы полагают, что в этих строках Пушкин вспоминает о своем несостоявшемся побеге морем в Европу, который он замыслил, находясь в южной ссылке в Одессе. И «могучая страсть», удержавшая его – любовь к графине Елизавете Ксаверьевне Воронцовой, жене новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова. Пушкин посвятил ей такие стихотворения, как «Сожженное письмо», «Ненастный день потух...», «Желание славы», «Талисман», «Храни меня, мой талисман...», «Все кончено: меж нами связи нет».

Кстати, эти стихи прекрасно подходят для того, чтобы понять, как грамматически образуется страдательный залог в русском языке. Вам ничего не напоминают все эти «окован», «очарован»? Да это же краткие причастия, с которыми мы познакомились в предыдущей главе!

И эпиграмма, сочиненная друзьями Пушкина, не самом деле была написана в пассивном залоге. Помните: «Он прикован, очарован, он совсем огончарован».

Какой вопрос можно задать к этой фразе? Не «что сделал поэт?», а «что с ним произошло?». Или, если спрашивать «формально», ориентируясь только на грамматические конструкции, то «Каков он (был)?». То есть страдательный залог выражается краткой формой причастия.

... А варенье съелось...

Почему же школьники так любят страдательный залог? Может быть, им слишком часто говорили: «Никого твое мнение не интересует»? И они инстинктивно стремятся сделать свой текст «безликим», чтобы в нем все происходило само собой, как в стихотворении Игоря Шевчука:

– Было все само собой —
Ты поверь мне, мама!
Разорвался фартук твой,
Загрязнилась рама,
Сам собой сломался кран,
Брошь куда-то делась,
Раскололся сам стакан.
– А варенье?
– ...СЪЕЛОСЬ!!!

Кстати, вы не заметили ничего необычного? Глаголы в этом стихотворении стоят в страдательном залоге, в этом нет никаких сомнений. Они описывают не то, что сделал герой (он как раз утверждает, что ничего не делал), а то, что случилось «само собой».

Но именно это «само собой» позволяет автору «приклеить» к каждому глаголу послелог (или, как еще говорят, «постфикс») «-ся» или «-сь»: «разворвал-ся», «загрязнила-сь», «сло-мал-ся», «дела-сь», «расколол-ся», «съело-сь». Причем, только последнее слово мы не используем в обычной речи: в самом деле, редко кто-то или что то «ест само себя». А вот все другие слова – вполне законные «граждане государства Русский язык», вы легко найдете их в любом словаре.

Что же это за грамматическая конструкция? Это страдательный залог, образованный с помощью так называемого постфикса «-ся», показывающего, что действие произошло как бы «само собой» без участия субъекта.

Дом строился быстро.
Теперь он построен.
Дом **был** построен в срок.

Вот еще один пример, на этот раз из рассказов Соколова-Микитова для детей о природе: «Белки строят уютные, теплые и прочные гнезда, похожие на сплетенные из тонких ветвей закрытые домики. Домики эти обычно **строятся** в развалинах густых и высоких хвойных деревьев, с земли их трудно увидеть».

Почему автор использовал во втором предложении страдательный залог? Потому что в первом он уже употребил глагол «строить» в действительном – «белки строят». И если бы та же конструкция использовалась и во втором предложении, писателю не удалось бы избежать неприятного повтора, который так раздражает при чтении: «Белки строят... гнездо.... Они обычно строят его в развилках...»

Об этом простом приеме стоит помнить. Если вы, к примеру, написали такую фразу:

«Я очень удивился, встретив его ну улице. Он тоже удивился»,

то всегда можно заменить ее на:

«Я очень удивился, встретив его на улице. Он тоже был удивлен».

Тогда повторение уже не будет казаться столь назойливым. А если вы еще замените краткое причастие во втором предложении синонимом:

«Я очень удивился, встретив его ну улице. Он тоже был поражен»,

то к вам вообще никто не придерется.

Кстати, можно проделать тот же трюк и с первым предложением. Вот так:

«Я был поражен, встретив его на улице. Он тоже очень удивился, увидев меня».

Видите, язык всегда предоставляет нам множество вариантов для выбора. То есть, все речевые ошибки случаются из-за ограниченных возможностей не языка, а лишь наших собственных. И поэтому – если мы хотим выражать свои мысли красиво и понятно – необходимо изучать язык, как любой мастер изучает возможности своего инструмента, и много тренироваться.

Еще один залог

Давайте теперь присмотримся повнимательнее к первой части этого предложения. «Я очень удивился...» Вы заметили в конце сказуемого уже знакомый нам постфикс «-ся»? А в каком залоге стоит сказуемое? Совсем не в страдательном! «Я (что сделал?) удивился». Но можно ли назвать его действительным?

В школе – да, можно. Но на самом деле филологи выделяют еще один залог – как раз для таких случаев. Он называется «средневозвратным» и образуется только от переходных глаго-

лов действительного залога. То есть, от тех, которые могут сочетаться с существительными в винительном падеже без предлога:

Удивлять публику.
Одевать девочку.
Встречать приятеля.
Возвращать книгу.
Сосредоточить внимание.

А если эти глаголы не требуют предлога при соединении с существительными в винительном падеже, значит мы можем так же легко присоединить к ним без предлога и возвратное местоимение «себя».

Удивлять себя.
Одевать себя.
Встречать себя.
Возвращать себя.
Сосредоточить себя.

Пока это – простое грамматическое упражнение, казалось бы, не имеющее практического смысла. Но теперь, благодаря нему, мы можем образовывать так называемый **средневозвратный залог**, который будет выражать действие субъекта по отношению к самому себе, изменение его «status quo».

Он удивился.
Она оделась.
Они встретились.
Мы вернулись.
Вы сосредоточились.

Зачем нам может потребоваться такая конструкция? Чтобы, как пишут грамматические справочники, «выражать оттенки значения, по-разному характеризующие отношения между субъектом и объектом действия».

А именно:

«Собственно-возвратные глаголы выражают действие, субъект и объект которого совпадают, то есть, являются одним и тем же лицом: Женя оделся быстро. Постфикс «-ся» в этих глаголах имеет значение «себя».

Взаимно-возвратные глаголы обозначают действие нескольких лиц, направленное друг на друга, то есть, совместное действие нескольких субъектов. Постфикс «-ся» у таких глаголов имеет значение «друг друга»: целоваться, обниматься, мириться, ссориться, встречаться.

Общевозвратные глаголы выражают внутреннее состояние субъекта, замкнутое в самом субъекте, или изменение в состоянии, положении, движении субъекта: тревожиться, удивляться, пугаться, огорчаться, передвигаться.

Косвенно-возвратные глаголы обозначают действие, совершаемое субъектом в своих интересах, для себя: строиться, запасаться, укладываться, прибираться.

Безобъектно-возвратные глаголы обозначают действие вне отношения к объекту, замкнутое в субъекте как постоянное его свойство: Крапива жжется, собака кусается, кошки царапаются»³.

А теперь хорошие новости! Чаще всего разницу между страдательным и серденевоозвратным залогом подсказывает наше «языковое чутье», а вернее «языковой опыт». И нам едва ли придет в голову, что выражение «кошка царапается», означает будто «кто-то (неизвестно кто) царапает кошку».

Но если вы когда-нибудь засомневаетесь, какой залог перед вами, то вот вам безошибочный признак: «В действительной конструкции **субъект** действия выражен подлежащим **в именительном падеже**, а объект – **дополнением в винительном падеже**. В страдательном же залоге подлежащим становится **объект в именительном падеже**, а бывший **субъект** оказывается **дополнением в творительном падеже**».

(кто? что?) Кошка или гвоздь царапают (кого? что?) мальчика или диван.

(Кто?) Кошка царапается (нет объекта).

(Кто? что?) Мальчик или диван (были) **поцарапаны** (кем? чем?) кошкой или гвоздем.

Предложения без лица

Есть ли еще способы, помимо страдательного залога, выразить произошедшее с предметом или с человеком, не указывая, кто или что послужило причиной этого?

Есть! Это так называемые **безличные предложения**. Они используются, когда «действующих лиц» просто не может быть, и процесс в самом деле совершается «сам собой». В каких ситуациях это бывает?

Когда мы говорим о явлениях природы: «На улице ветрено», «Сегодня холодно» и т. д.

Когда чего-то нет: «Нет времени», «Нет денег», «У тебя нет совести».

Когда что-то нужно сделать, причем эта необходимость объективна: «Нам следует держаться вместе», «Тебе обязательно надо выспаться».

Когда акцент делается на том, каким образом было сделано что-то, а кто это сделал – неважно: «Ветром сорвало крышу», «Машину занесло на крутом повороте», «Ему столько раз было сказано не приходить сюда!»

И наконец, когда что-то происходит с нами не по нашей воле: «Мне кажется», «Мне снится» (и «Мне не спится»), «Мне нездоровится», «Мне не терпится побывать в Париже».

В этих предложениях нет подлежащих. Понять это очень просто: достаточно не обнаружить существительных и местоимений в именительном падеже. А вот сказуемое может принимать самые разные формы:

– так называемого «слова категории состояния» – особой части речи, внешне похожей на глагол в единственном числе и среднем роде, который, однако, не спрягается, и по своим функциям напоминает наречие – «Мне грустно оттого, что весело тебе»;

– страдательного причастия среднего рода – «В комнате было накурено»;

– безличного глагола, выражающего состояние природы – «Свечерело.

Дрожь в конях, стужа злее на ночь»;

³ <https://reallanguage.club/grammatika-russkogo-yazyka/grammaticheskie-i-sintaksicheskie-kategorii/zalog-v-russkom-yazyke/>

- безличного глагола, выражающего состояние человека – «Казалось мне, что я лежу на влажном дне» (М.Ю. Лермонтов);
- личного глагола в безличном значении – «Пахнет сеном над лугами»;
- неопределенной формы глагола – «Да, не вернуть этой веры глубокой» (А.И. Блок);
- глагола в повелительном наклонении – «Молчать!»;
- модальных глаголов «можно» и «нужно» – «Можно мне ответить?», «Мне нужно поесть»;
- глагола «быть» в сочетании с наречием (уже знакомое нам составное именное сказуемое) – «Было жарко».

Также в роли безличных сказуемых может выступать, как нам уже известно, слово «нет» – «Никогда нет дома». Для образования прошедшего времени в этом случае используется глагол «быть» и частица «не»: «Дома никого не было».

Обратите внимание: хотя эти предложения и безличные, они вовсе не безликие. Наоборот, некоторые из них могут быть очень выразительными, и ими не пренебрегали наши великие писатели. Вот доказательства:

- «Мне должно было стрелять первому» (А.С. Пушкин).
- «Маше все не верилось» (А.С. Пушкин).
- «И верится, и плачется, и так легко, легко...» (М.Ю. Лермонтов).
- «В небесах торжественно и чудно... Что же мне так больно и так трудно...» (М.Ю. Лермонтов).
- «Мне бы теперь работать» (А.П. Чехов).
- «И скоро от костра не осталось ничего, кроме теплого запаха» (М. Горький).
- «Байкал к утру здорово раскачал» (В. Шукшин).
- «Мне довелось написать много разных книг» (К. Паустовский).

Итак, как нам уже известно, все эти формы часто употребляются как в литературе, так и в повседневной речи (что доказывает, в частности, моя предыдущая фраза, а вернее оборот «как нам уже известно»).

И все было бы хорошо, если бы не одно коварное безличное сказуемое! Оно относится к уже знакомым нам возвратным глаголам и звучит так: «Мне думается». В чем же его коварство?

Кажется, ничего особенного в нем нет: оно построено по примеру многих других подобных выражений – тех самых «безличных глаголов, выражающих состояние человека»: «мне кажется», «мне запомнилось», «мне снится», «мне чудится» и т. д.

Даже «Малый академический словарь», составленный в 1957–1984 годах Институтом русского языка Академии наук СССР под редакцией А.П. Евгеньева, признает это слово легитимным и дает ему «гражданство» в русском языке, приводя цитаты из классиков:

Думаться

– ается; безл., несов.

1. Казаться, представляться в думах, мыслях.

Ему думалось, что враг его [командир] теперь нарочно пошлет эскадрон в отчаянную атаку, чтобы наказать его, Ростова. Л. Толстой, Война и мир.

Все вышло не так, как думалось, мечталось! Каверин, Два капитана.

Здесь все было знакомо Земляному, до последней выбоины на дороге. Он мог, как ему думалось, пройти тут с закрытыми глазами. Паустовский, Героический юго-восток.

2. О наличии расположения думать, размышлять; о состоянии размышления, обдумывания чего-л.

– Неужели не выбьется из ума моего эта негодная Оксана? – говорил кузнец. – Не хочу думать о ней, а все думается. Гоголь, Ночь перед рождеством.

Анна Павловна любила ездить, потому что дорогой так хорошо думается. Мамин-Сибиряк, Под липой.

Всегда думается сразу о многом: обо всем, что есть перед глазами, о том, что видели они вчера и год тому назад. М. Горький, В людях.

Но все же что-то с этим оборотом не так!

Например, в приведенной выше фразе Толстого речь идет не о том, что происходило на самом деле, а только о том, что казалось (думалось, представлялось) Николаю Ростову. Во втором же значении этого слова речь идет не о конкретных мыслях, а о самом «процессе думанья», который и вправду не всегда зависит от нас. Это аналогично обороту: «Мне сегодня хорошо работается», которая может означать: «Я здоров, меня ничего не отвлекает и я увлечен тем, что делаю».

А как насчет таких фраз: «Мне думается, что сегодня пойдет дождь» или «Мне думается, что мой начальник – негодяй»? Вам в них ничего не мешает?

Дело, на мой взгляд, вот в чем. Все аналогичные обороты, которые мы упоминали раньше («мне кажется», «мне чудится», «мне запомнилось», «мне приснилось»), предполагают: с человеком что-то произошло помимо его воли: что-то показалось ему на миг, что-то запечатлелось в его памяти, что-то ему приснилось. Не случайно в Древней Греции считалось, что вещие сны посылают людям боги, а пустые и бессмысленные происходят от дурного пищеварения. А что случилось с человеком, который говорит, к примеру: «Мне думается, правильнее было бы промолчать»? Неужели на самом деле он вовсе так не думает, а просто кто-то извне вложил эту мысль в его голову? Мне это напоминает цитату из учебника по психиатрии по поводу маниакальной стадии биполярного расстройства: «Пациентам кажется, что в их голове стремительно проносятся мысли, которыми они не могут управлять».

Итак, если вы желаете сообщить людям, что вы не хозяин своим мыслям или что вы не уверены в них, то можете употребить этот оборот. Во всех остальных случаях его лучше избегать. Тем более, что есть прекрасное выражение в действительном залоге: «я думаю».

Промежуточные итоги

«Мы отпустим тебя обратно, предварительно стерев в памяти информацию о нашей встрече».

«Я понял, что между подругами уже произошло взаимопонимание на мой счет».

«Она во что бы то ни стало решила жениться на нем».

«Мои умозаключения впитывались в их сознание словно великие».

«Внезапно на Анатолия стало надвигаться тревожное предчувствие».

«Этот мужественный человек не раз доказывал любовь к своему народу и жертвовал ради него жизнью».

«В конце комнаты высоко с потолка смотрели головы различных животных».

«Из прорези послышалась только тишина».

«Ее отъезд проделал большую дыру в его жизни».

«В воздухе повисла неизбежность».

«Звук ревел».

«Душераздирающий вопль, выходявший из него, потрясал окружающее пространство».

«— Знаете, — слегка понуро, проваливаясь в воспоминания, говорил Андрей, — я на самом деле сожалею о своем пребывании здесь, а не в России».

Все это цитаты из рассказов начинающих писателей. Звучит смешно, не правда ли? Но авторы этих строк совсем не хотели рассмешить читателей. Напротив, они были очень серьезны. Они слишком сосредоточились, на том, что хотели сказать, но совсем забыли о том, что увидят другие.

Один из главных навыков автора, независимо от того, тексты какого рода он пишет — это умение абстрагироваться от самого себя, «влезть в шкуру читателя» и увидеть текст его глазами. Это умение, как и почти все умения на свете, приходит с тренировкой.

Каким же образом мы можем его натренировать?

* * *

В двух первых главах мы говорили, в основном, о сказуемых. И не удивительно: ведь именно они поясняют нам, что, собственно, произошло — а это, как правило, самое интересное.

И если вы хотите, чтобы ваш текст был понятен и интересен, то, прежде всего, должны убедиться: все сказуемые в нем стоят на своих местах и выражают именно то, что вы имели в виду.

Наверное, вам не составит труда найти в вашем тексте сказуемые. Но на всякий случай приведу определение из Словаря лингвистических терминов⁴:

Сказуемое —

главный член двусоставного предложения, соотносительный с подлежащим, грамматически подчиненный ему. Формальная зависимость сказуемого от подлежащего проявляется в предикативной связи: «Вот и взошла луна». Идеальное средство выражения сказуемого — спрягаемый однозначный глагол, который и называет конкретное действие, сообщая ему

---

⁴ Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. — Назрань: Изд-во «Пилигрим». Т.В. Жеребило. 2010.

модально-временную оценку. Однако действие и модально-временная оценка могут быть выражены отдельно – в двух компонентах: «Можешь совсем уйти – только свети, свети».

Содержание сказуемого передается:

- 1) синтетическим способом (Взошла луна);
- 2) аналитическим способом (Можешь совсем уйти).

Семантика сказуемого – значение предикативного признака, которое проявляется в частных значениях:

- 1) действия;
- 2) состояния;
- 3) качества;
- 4) родовой характеристики и т. п., выражаемых различными формами сказуемого:

1) простое сказуемое (обязательно глагольное, выраженное или спрягаемой формой полнозначного глагола, или семантически неделимым сочетанием слов, включающим спрягаемую глагольную форму): «Она ушла навсегда»;

2) составное глагольное сказуемое (основной компонент выражен полнозначным глаголом в инфинитиве; вспомогательный компонент выражает общеграмматические значения сказуемого и имеет спрягаемую глагольную форму): «Дети убежали играть»;

3) составное именное сказуемое (основной компонент выражен именем; вспомогательный – спрягаемым глаголом, который может быть опущен): «Она была весела»; «Ты у меня одна». «Грозный – столица ЧР».

Вы обратили внимание, на выделенную фразу? С точки зрения писателя, идеальным является простое или составное глагольное сказуемое в действительном залоге. Вы, наверное, уже поняли почему: именно в такой форме оно воспринимается читателем легче всего, не только не требуя дополнительных усилий для понимания, но и работая, как «разгонный блок», способный динамизировать даже самое тяжелое и запутанное предложение.

Поэтому, если вы хотите проверить свой текст на «удобочитаемость», прежде всего, выделите в каждом предложении подлежащее и сказуемое. А потом убедитесь, что:

- 1) ваше сказуемое согласуется с подлежащим грамматически и по смыслу;
- 2) оно – простое или составное глагольное в действительном залоге;
- 3) если условия из пункта 2 не выполняются, то у вас были причины так поступить – не менее веские, чем у Линкольна, когда он произносил свою Вторую инаугурационную речь;
- 4) слова, зависимые от сказуемых, согласуются с ним грамматически и по смыслу.

Если вы проделаете это простое упражнение, то уже никогда не совершите ошибок, подобных тем, что я привела в начале этой главы. У вас будет надежный «скелет» для предложений, который не даст им «опасть и расплыться». А значит, будет хорошая стартовая площадка для того, чтобы двигаться дальше. Полагаю, вы быстро научитесь контролировать то, что пишете, и перестанете допускать смешные ляпы.

ПОМЕНЬШЕ

пассивных

КОНСТРУКЦИЙ

Часть вторая

Найти верную интонацию

Глава 3

Осторожно – пафос!

«Это был самый незабываемый день в моей жизни!», «Девушка была страшно красива!» Как не показаться смешным, выражая свои чувства?

Когда чувства бунтуют

А вот еще одна подборка из произведений начинающих авторов. На этот раз они пытались описать чувства, владевшие ими или их героями. И вот что получилось:

«Отвратительные животные издавали отвратительный запах».

«Все внутри у него наполнилось ненавистью к тому, кто это сделал».

«И все же он задел какие-то струны в моей голове».

«Он почувствовал на своем горле холодные пальцы дурного предчувствия».

«Ее отъезд проделал большую дыру в его жизни».

«Почему он отпустил ее так ужасно далеко, за пределы человеческого разума?»

«Он лежал уставившись в темноту, не в состоянии прогнать из головы мысли, которые копошились там».

«Из глаз Бриджит постепенно исчез остекленевший взгляд».

«В воздухе повисла неизбежность».

«На Анатолия стало надвигаться тревожное предчувствие».

«У потерявшего дар речи Михаила все вскипело внутри, но, не найдя выхода, тут же опустилось противным осадком, облепив ему всю душу».

«Он ощутил на губах вкус сарказма».

«Он думал о ней с лаской и надеждой».

«Она лишь смотрела на своего спасителя какими-то новыми, изумленными глазами».

«И еще чувство неудовлетворенного самолюбия и неотомщенной справедливости не покидало его».

«Поэтому нравоучения внучкам, как она называла девочек, не были нудными или скучными – она самыми нежными прилагательными описывала чувства, испытываемые к Владимиру Александровичу, и в мельчайших подробностях расписывала свое свадебное платье».

«Из глаз могучего воина, повидавшего немало смертей на своем году, медленно, но верно, потекли слезы».

«Чувства пели».

Кстати, я долго думала, этично ли приводить эти цитаты. И в конце концов решила, что вполне. Авторы ведь хотели, чтобы их произведения были опубликованы. Причем, именно в

таком виде, в котором они их прислали. Следовательно, они не стеснялись своих текстов. Так пусть от их произведений будет хоть какая-то польза! Пусть они научат нас с вами, как избегать подобных ляпов. Конечно, надежнее всего – учиться чему-то на своих ошибках, но на чужих-то – гораздо приятнее.

Итак, что же и, главное, почему авторы этих фраз сделали неправильно?

Они попытались описать человеческие эмоции так, чтобы читатель смог ощутить переживания героев, но получилось это нескладно, неубедительно. То есть, желая вызвать сочувствие, они своего не добились, и даже наоборот – заставили нас не сострадать героям, а смеяться над авторами. Как же это получилось?

Прежде всего, надо отметить, что говорить об эмоциях нам обычно очень сложно. Ведь в нашем обществе они, по большей части, табуированы. Положительные еще можно выражать более или менее свободно (да и то, рассмеявшись слишком громко и невпопад, легко наткнуться на неодобрительные взгляды окружающих, которые могли вообразить, что вы смеетесь над ними). Но показывать отрицательные эмоции считается почти неприличным.

Как мы утешаем плачущих детей? Словами: «Не плачь, не надо плакать». И это еще в лучшем случае! Сколько придумано дразнилок: «Плакса-вакса!», «Рева-корова!», «Пискля Ивановна!», «Нюни распустил (-а)!».

Нам неприятно видеть чужое горе, мы словно боимся «заразиться» от него. И детским психологам приходится учить нас, что можно разговаривать с плачущими детьми, не расстраивая их еще сильнее, не оскорбляя и не унижая. Но все эти фразы: «Я понимаю, что ты расстроен/зол/боишься/так сильно радуешься – это нормально!», «Это было очень неприятно/грустно/обидно, я понимаю!», «Давай передохнем», «Давай вместе подумаем, что делать», «Давай я помогу тебе», «Давай попробуем вместе» – звучат для нас как-то странно. Умом мы понимаем их правильность, но нам сложно их произнести, они почему-то кажутся нам неестественными. Порой очень трудно сказать даже самое простое: «Бедный ты мой, хороший! Мне так тебя жаль!». Нам гораздо легче прикрикнуть на ребенка: «А ну-ка перестань реветь! Ничего страшного не случилось!».

Если вы внутренне не согласны с последним абзацем и вам легко выражать сочувствие даже когда причина для слез кажется малозначительной, значит вам повезло с родителями – они оказались чуткими и заботливыми и не стали внушать вам ни запрет на проявление собственных чувств, ни неприязни к чужим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.